

Б О Л Ь Ш А Я П Р О З А

анатолий

КИМ

РАДОСТИ
РАЯ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К40

Художественное оформление
Сергея Курбатова

Ким, Анатолий.
К40 Радости Рая / Анатолий Ким. — Москва : Издательство
«Э», 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-092584-1

«Радости Рая» — это фантазмагорическая автобиография героя, похожая на странный волшебный сон. На первых страницах возникают люди каменного века, а завершается книга вторым всемирным потопом. Однако здесь нет никакого противоречия: и люди, и растения, и камни, и облака наделены душой, и все земные души существует один раз, но вечно, — это и есть «философия бессмертия», разработанная Анатолием Кимом. О времени, которое было и будет всегда, без начала и конца, о великой участи каждой человеческой души на маленькой планете Земля рассказывает эта книга.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092584-1

© Ким А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Началось с того, что пришли слова:
между Александром и мною ничего нет.

Глава 1

Я стою на скале — охотник в меховой безрукавке, в коротких кожаных штанах, и не могу, не умею еще обмануть даже диких козлов, на которых охочусь, поэтому должен подкрасться к ним с подветренной стороны, как можно ближе, и поразить зверя одним ударом метко брошенного камня. Я хороший охотник, зовут Аким, или Иоаким, женщины моего и соседнего племени любят меня, от них имею я множество детей, и в жизни своей на моем родном острове я наверняка испытал блаженство рая.

Вот я выследил зверя, горного муфлона, подкрался к нему и хочу убить его точным броском камня. Камень, что собираюсь бросить в голову барана, раньше лежал в грудке других камней, я поднял его и назвал именем Ондар. Лети, Ондар, в висок зверю, который замер и мечтательно смотрел куда-то ввысь, и попади сколотым боком точно в то место под ухом, где прыгающая нервная жилка выходит на поверхность шкуры.

Зверь сразу же послушно отделился от скалы и рухнул вниз, перевертываясь в воздухе, ударяясь о скальные уступы, стремительно обгоняя ссыпной град потревоженных булыг и камней более легкого веса. Берендей — как я успел назвать падающего барана-муфлона, пока тот кувырчался по крутизне вниз, сверзившись с высоты двух

тысяч метров, — улетаая вниз, уменьшался на глазах, пока не стал величиною с детский башмачок. В таком раз-
мере улегся Берендей на дно ущелья, откинув рогатую
голову, недалеко от камешка по имени Ондар.

Камень Ондар слетел на свое место чуть раньше Бе-
рендея, неизвестно, где и при каких воркотаниях жид-
кой земли родился этот камешек, — но он таки сумел
хоть разочек переменить место своего существования,
причем на значительное расстояние. А ведь огромное
большинство наземных камней где как появились на
свет, там так и остались на веки веков, не шелохнув-
шись, пока не рассыпались в прах от вселенской ску-
ки. Камень же Ондар благодаря моей правой руке, ко-
торой имя Махей, — круглый серый с отколотым краем
камень за свое существование во Вселенной лишь один
раз сдвинулся с места и перелетел на другое место, по
пути тукнувшись в висок горного муфлона.

То была охота на зверей и птиц со снарядами из кам-
ней, запускаемых рукой охотника. Два камня он всегда
носил с собою, один — в правой руке, другой — в ле-
вой. Подкравшись к дичи, он мог метнуть снаряд всего
один раз. Если горный индюк с перебитой шеей или
муфлон с пробитым виском не падали тут же на месте,
а уносились прочь, торопливо вычеркивая себя из сим-
волического списка моих охотничьих трофеев, то смо-
трел вслед убегающей *недобыче*, замерев, словно муфлон
Берендей, после чего шел на другое место, по пути пе-
реложив запасной камень в освободившуюся бросковую
руку по имени Махей.

Это на всякий случай — а вдруг у Дода, дающего
охотникам добычу, выпадет такое местечко на моем пу-
ти, где захочется ему как раз и подшутить надо мной,
и он выставит за ближайшим поворотом скалы, на зе-
леной травяной терраске, токующего перед самочками

семицветного фазана. Переложив снаряд в боевую руку, я решил найти другой в запас, и только я подумал об этом, как увидел под ногами подходящий окатыш из семейства кремниевых, по имени Пиндарик, нагнулся и подобрал его в запасную, не бросковую руку. А когда разогнулся и поднял голову, то увидел в пяти шагах от себя серебряную девочку с кожаной торбой за спиной, доверху наполненной грибами *мрыча*.

Серебряные люди данного племени мазались серой с блеском глиной и жили в горах скрытно. В какие-то ночи появлялись среди жителей долины, чтобы у них выкрасть свободных женщин, тех, что спали в пещерах одни, без мужчин. Мы этих серебряных иногда ловили, убивали и съедали, но я не видел, чтобы женщины серебряного племени одни появлялись в долинах. Много слышал о том, что когда прикоснешься хоть пальцем к коже этих женщин, порскают раскаленные искры и что корень мужской, название которому Елдорай, становится при этом необыкновенным по размеру и таким твердым, что звенит.

Она не стала убегать — серебряные они или обычные — женщины от северных морей до южных, омывающих материки раздвинувшейся Гондваны, не убегают от елдораев, которые звенят. Мой, правда, еще не зазвенел, как утка в половине десятого. Сам не знаю, что это значит, не понимаю я теперь числительных, обозначающих время, хотя и ясно представляю, что утку можно поймать и жарить, но «половину десятого» никак поймать нельзя, — хотя звону-то! Звону! Мне стало понятным, что между Александром Великим и мною ничего нет.

Я понял отлично эту серебряную девочку и высоко оценил ее решимость переместиться с места на место и разбить тоску камней, обреченных быть на том же месте, где родились, — вплоть до того состояния, когда

камни рассеются на осколки в акте своего безрадостного однополого размножения.

Между мною и Александром ничего нет, я не понижаю пока, что это значит, и машу рукой, в которой зажата черная бульжка без имени (не успел его дать), и показываю рукой, значит, на дно этого самого ущелья, как будто хочу сообщить Серебряной Тосико, что желаю бросить безымянный камень вослед Ондарику, чтобы тот не заскучал на новом месте. На самом деле я хотел сообщить серебряной девочке следующее. Вот я охотник, камнеметчик, обычно у меня нет другого оружия, кроме двух булыг в руках да костяного ножа за поясом. Но я научился так хорошо метать камни, что дичь всегда зашибаю с первого броска, а запасной снаряд надобен мне только для того, чтобы — на всякий случай — перебросить его из руки в руку, пока иду неторопливой походкой в направлении покорно ждущей меня на земле зашибленной дичи.

Однажды мне привелось таким же манером с первого выстрела завалить густо воняющего кабана, у которого был столь длинный и острый клык, что я сделал из него вот этот ножик. А теперь смотри туда, Тосико: видишь, козел лежит? Это мой. Я ведь выдающийся камнеметчик — всех земель и народов. Бронзовый век, который разворачивается вслед за каменным, даст человечеству металлический наконечник для стрелы. С помощью которой можно будет издали тушу звериную пронзить до сердца, и постепенно охотник с луком и стрелами сменит камнеметателя. Однако это произойдет через несколько тысячелетий каменного пути, а сейчас я самый Верный Глаз, самая Точная Рука из всех когда-либо метавших камни боевых рук.

Пойдем со мною, Серебряная девочка Тосико, мы спустимся на дно ущелья, разделаем козлика, разведем

огонь, обложив его камнями, я отрежу куски от грудины, нанижу их на зеленые палочки, между мясом мы насадим твои грибы мрыча и все это разложим на камнях поверх горячих углей, испечем скворчащий шашлык и, схватив по увесистой палке жарева, съедим благоуханное мясо с грибами во славу звериного бога Доды.

Серебряная Тосико тут же на месте сообразила, какая это будет вкусная еда, и пошла рядом, вниз к долине, лишь поправив за плечом торбу с грибами, для чего пришлось ей приподнять ременную лямку и потянуть на грудь, отчего кончик этой груди оттопырился в сторону, словно обиделся и отвернулся от меня. Свободную от лямки руку девчонка шустро сунула в мою освободившуюся от Пиндарика ладонь (я его поспешно выбросил). И тут получилось то, о чем восторженно лопотали мужики из нашего племени: мой елдорай, высунувшийся из ширинки меховых штанов, настолько затвердел, что стал издавать металлический звук (хотя до появления металлов в человеческом обиходе, как уже говорилось, человечеству надо было пройти путь длиною в несколько тысяч годовых солнцевращений).

Пришлось Серебряной Тосико, подчиняясь внезапным новым обстоятельствам, досрочно снять с плеча торбочку с грибами, аккуратно прислонить к комлю канарской реликтовой сосны. А рядышком на устланную длинной сухой иглицей землю я положил черный боевой камешек, которому в тот же миг дал имя Лео. Моя Серебряная Волшебница колоть зад о хвою не захотела, вставать на крутосклоне каменной горы на четвереньки ей было неудобно — но вышло очень удобно рядом с Лео упереться руками в широкий ствол канарской сосны, той самой, к которой была привалена торбочка, и чутко пригнуться — и все стало хорошо. Женщины эпохи раннего неолита, нагибавшиеся под деревом, упира-

ясь руками в ствол, выглядели точно так же, как и их сестрицы всех последующих эпох. Самым заманчивым для нас, охотников, является не то кончик косматой бородки, не то клочок меха какой-то таинственной зверушки, хоронящейся в глубине меж двух половинок нежных ягодиц подруги. Вхождение в рай на виду у лохматого зверя ритуализировано настолько мрачно, что представляется скорее всего вхождением в ад, — минуя Стикс и косматого Цербера. Однако радость, даруемая каждому елдорайщику, есть мгновенная и подлинно райская, орошаемая струйками и капельками пресветлой жидкости.

Сколько же миллионов нас, не востребованных для рая, заключалось в каждой такой капельке! Чего было делать нам, отказникам в материализации жизни? Проигравшие, вернее, не выигравшие первый приз в соревновании продолжения рода человеческого, мы уходим обратно в квантовый мир, где хватало места для всех неудачников, не попавших в рай жизни. В квантовом же раю было все наоборот: неудача оказывалась великой удачей! Рай жизни, куда время от времени, словно охваченные массовым безумием, устремлялись мы, квантовые волонтеры, — миллиардными армиями, — и земной рай вовсе не был раем, и каждый человек, изгнанный из Кванталии на землю, вовсе не оказывался брошен от хорошего к худшему.

На земле когда-то было не хуже, чем в тех местах, куда устремляются миллионы загадочных ракетовидных квантоволонтеров со жгутиками. Не материализовавшись, проигравшие заплыв одному из самых шустрых претендентов, остальные квантовые солдатики тут же разворачивались назад и, отбросив свои жгутики, дезертировали и пускались в путешествия по самым разным направлениям самых разнообразных пространств и миров. О, сколько же было нас, не попавших в жизнь на

земле, потому и не познавших райские радости! Лучше ли, хуже ли было бы нам в тех мирах и пространствах, которые не есть миры и пространства земные?

То было юное пространство на нашей земле, которое одни люди называли неолитом, каменным веком, но другие люди называли веком золотым. Золота, правда, и в помине не было на том отрезке мирового пространства, то есть оно было в природе вещей, однако человеки еще не обратили на него никакого внимания. И по причине того, что золото было неизвестно людям, и вообще никакой металл еще не был ими добыт, их жизнь была очень мягка. И в памяти тех, которых называли всех до единого Акими (Иоакимами), прозорливцами, посланцами божьими, — тех, что бегут по дорогам человеческих цивилизаций, перепрыгивая из эпохи в эпоху, тот нежный каменный отрезок вспоминается как райский и называется «золотым веком». Неизвестно, с какого места золото стало считаться самым ценным веществом, и, исходя от этого недоразумения, лучший кусок своего пути человечество назвало золотым. А век-то был каменный!

На том месте, где никакого оружия, кроме камня, еще не было, я с помощью Дода, бога охоты, зашиб муфлона Берендея, когда тот стоял на узком карнизе скалы и, закатив вверх затуманенные мечтою глаза, быстро-быстро перебирал губами, что-то бормоча себе под нос. Куда он смотрел? Неужели на далекую скалу, из-за вершины которой осторожно высунула рогатую голову самка? Когда круглый базальтовый камень Ондар впился в висок Берендея и убил его, тот даже ничего не заметил и, сорвавшись со скалы, все с таким же мечтательным видом падал вниз, переворачиваясь в воздухе и отскакивая от ступенчатых выступов крутого, почти отвесного каменного склона. Собственно говоря, мы в то время не умели убивать, потому что ничего еще не знали о смер-

ти, кроме того, что она делает неподвижными подбитых муфлонов, серебряных мужиков, индюков, куропаток, фазанов, свиней и прочая, и прочая — это давало нам спокойную радость их съесть.

Правда, смерть одного из фазанов заставила меня призадуматься. Это был здоровенный, длинный, тяжелый петух Лазарь, которого мой кремниевый дружок Митрашка шваркнул точно по голове, — но при движении отклонения этой головы в ту же сторону, что и полет камня, — как в боксерской защите, — удар значительно смягчился. Словом, когда бабы перед пещерой выдрали из хвоста и крыльев все радужные перья — для украшения своих глупых голов — и ощипали догола петуха, он вдруг ожил, вострепнулся, вскочил на ноги и горько заплакал. И только тут до меня дошло, что смерть убивает фазанов, козлов, свиней для того, чтобы они не испугались и не плакали, узнав, что их собираются съесть. А я не понимал, оказывается, что такое природное священнодействие — осеменить женщину, командировав свой елдорай в ее влажный микрорайон. Убивать, чтобы съесть — зверя, птицу, рыбу, охотника из соседнего племени, который украл нашу женщину, — и осеменить бабу, чтобы она понесла и родила, — это была одна и та же работа. Но убивать, чтобы убить, — как пришлось убить того, уже ощипанного, фазана, — мы еще в золотом веке не умели. Одним словом, мы изрядно намучились с этим петухом, никто не знал, что делать с ожившим Лазарем, который жалобно стenal, умоляя не кушать его, одним словом, «пел Лазаря», пока какая-то голодная баба не кинулась на фазана, не ухватила его за голую шею обеими руками и не перекусила ему горло своими белыми здоровенными зубами. Со смертью тогда у нас были спокойные отношения. Мы ее не боялись, как всего того, чего не видели. Именем смерти

мы не могли никого поработить, — и нас также, — поэтому все были свободны. Каждый зверь, каждая птица, каждый пацаненок из племени были свободны, потому что не боялись смерти — ибо никто ничего не знал за ней плохого. Наоборот — неподвижная смерть удерживала в своих руках нашу добычу, чтобы мы могли спокойно расчленив ее, зажарить и съесть.

Но в последующие металлические пространства человеческой цивилизации — когда научились убивать не камешком и даже не стрелой, а сразу адским пламенем, мы стали до умопомрачения бояться смерти, хотя и по-прежнему не могли увидеть ее и не знали, что это такое. Однако я умчался слишком далеко от того места, с которого начал рассказ о райских событиях. Итак, упершись руками в широкий ствол реликтовой сосны, Серебряная Тосико выставила на меня свое круглое, с глубокой рассечкою симпатичное богатство и раскачивалась, словно ладья, долбленная из целого куска кедрового ствола. Такую ладью непросто выдолбить теслом из обсидиана, сроку для ее изготовления требовалось около двухсот самых острых камней, но зато лодочка кедровая, просмоленная сама собою, оставалась любимой на всю жизнь. Такую ладейку отлюбить в один присест было невозможно. Только что выбросив весь свой миллион квантовых торпедок, которые наперегонки устремятся, оголтело крутя жгутиками, в указанном им свыше направлении, как твой еще не отдышавшийся елдо-рай, подхваченный новыми мерными покачиваниями ладьи, возлеет мечту и надежду призвать на бой еще миллион квантовых рекрутов. И третий раз это могло произойти, и четвертый — пока Серебряная Ладья не устанет упираться руками в ствол дерева и не откажется покачиваться на волнах вечности — и резко выпрямится, и безо всяких разговоров категорически одернет

на себе юбочку из ягнячьей шкуры. А ты, значит, останешься стоять на месте, и все в глазах твоих кружится и расплывается, и эти глаза сами по себе закрываются, и ты перестаешь понимать — до окончания земного пути — для чего тебе все это надо было: призывать квантовых волонтеров в таком бессмысленном количестве — по миллиону враз — и в первый призыв, и во второй, и в третий, и в четвертый. Тот, Кто хочет множить и защитить жизнь, не жалеет материала для квазиквантовых котлов, которые выглядят яйцевидно и смиренно уложены в мешочки.

Но неужели Ему безразлично, что только один из этих миллионов окажется счастливчиком и перейдет из квантового состояния в физическую классику? Нет, разумеется, — Ему ничто не безразлично, а как раз наоборот — у Него каждое *«что»* единолично. Но какое же тогда утешение тем, которым не удалось доплыть до цели, сколь усердно ни крутили они своими жгутиками? Обещание райских блаженств было столь заманчиво, что на призыв откликались сразу армиями, армадами, мириадами волонтеров, жаждущими войти в состояние земной жизни, которое было, очевидно, на бесконечные уровни качественнее квантового рая, ежели на один забег вышло не менее четырех миллионов марафонцев, все по имени Акимчики. Причем второй, третий и четвертый эшелоны были безнадежными хотя бы на случайный успех, ибо самый везучий из первого эшелона, тоже по имени Акимка, уже давно атаковал тревожно ждущую одинокую курочку Весту и с воплем торжества внедрил ее в единственное чудо-яичко.

Тот самый единственный и первый мой посланец, супермен Акимка, который опередил всех и отправился по дорогам острова La Gomera осваивать его райские уголки, вряд ли что-нибудь знал обо мне, поэтому наверня-

ка не испытывал никакого чувства благодарности относительно моих стараний и мужского усердия. Не знаю, как для него, но для меня четыре раза, не выходя из женщины, — это было подвигом, почти запредельным. Наверное, такое оказалось возможным благодаря серебряной коже девчонки, удачному наклону ее точеной фигурки, опершейся руками о ствол канарской сосны, и тем движениям ловкого тела, какие воспроизводила прыгающая на волнах лады. Увы, такова судьба всякой военной кампании, и таково настроение всякой армии, разбредаящейся пешком в разные стороны после окончательного и полного поражения. Куда им деваться и на что надеяться? Воинство, предназначенное тому, чтобы не достигнуть своей цели. Солдаты, прекрасно экипированные и отлично выученные — брошены своим полководцем посреди соляной пустыни. Без объяснений, даже без утешительных слов о выполненном до конца воинском долге, о доблестной верности присяге, — и даже без лживых обещаний скорого реванша. Куда бредет каждый солдат проигравшей войну армии? Чего он хочет теперь? Больше всего хочет вернуться на свою родину. А где она и что с нею случилось?

Мысленно пожелав каждому из них благополучного возвращения туда, не знаю куда, я преодолел в сердце своем глубокую грусть, вновь протянул руку своей серебряной подружке, которая уже перекинула через плечо лямку кожаной торбы с грибами. И мы, тотчас забыв о том, что вместе только что пресотворили, весело поскакали вниз, ко дну ущелья, где ожидал нас упавший со скалы мой охотничий трофей.

Совершив священный акт обильного спермотворения — пожалуй, первейшего удовольствия в эпоху эолита, мы с Серебряной Тосико вскоре приступили ко второму по значимости райских приоритетов жизнен-